

Содержание

<i>Джордж Гилдер. Ослепительная дюжина: правила богатства и бедности Райнера</i>	8
1. Адам Смит был прав: только экономическая свобода может победить бедность	11
2. Что помогает бороться с бедностью, а что не помогает	22
3. Вьетнам: «Дой Мой» — взлет дракона	37
Страна в состоянии войны	41
Социалистическая плановая экономика на Севере и Юге	43
Жизнь во Вьетнаме в 1980-е годы	53
Шестой съезд партии и реформы «Дой Мой»	55
Открытие внешнему миру — Вьетнам выигрывает от глобализации	64
Как реформы улучшили повседневную жизнь людей	72
Результаты опроса о реформах «Дой Мой»	83
Важная роль женщин во Вьетнаме	84
Слабое место: проблемы государственных предприятий и коррупции	88
Вьетнам: экономическая реформа, но однопартийное правление	95
Причины успеха Вьетнама — прагматизм и ориентация на настоящее	100
Что вьетнамцы думают о богатых	104
Что вьетнамцы думают о капитализме	112
4. Польша: взлет «Белого орла»	121
Измученная земля	124
Социализм в Польше	128
Политическая трансформация	143
Бальцерович и его экономические реформы	146
Какие уроки можно извлечь из опыта Польши?	163
Поляки не должны забывать о причинах своего успеха	170
Что люди в Польше думают о капитализме	175
Что люди в Польше думают о богатых	181
Заключение: богатство и бедность народов	194
Библиография	200
Примечания	211
Указатель имен	224
Об авторе	228

Список рисунков

- Рис. 1. Вьетнам: влияние реформ «Дой Мой» на финансовое положение респондентов.
- Рис. 2. Вьетнам: влияние реформ «Дой Мой» на финансовое положение респондентов — анализ по возрастным группам.
- Рис. 3. Насколько для вас лично важно быть богатым?
- Рис. 4. Вьетнам: отношение к богатым.
- Рис. 5. Вьетнам: отношение к богатым людям — положительные и нейтральные утверждения.
- Рис. 6. Вьетнам: отношение к богатым людям — (относительно) негативные утверждения.
- Рис. 7. Вьетнам: личностные черты, приписываемые богатым людям.
- Рис. 8. Коэффициент личностных черт (КЛЧ) в 13 странах.
- Рис. 9. Высокие налоги на богатых? Общественное мнение в 13 странах.
- Рис. 10. Индекс отношения к богатым (ИОБ) в 13 странах.
- Рис. 11. Вьетнам: ассоциации со словом «капитализм».
- Рис. 12. 18 утверждений о капитализме.
- Рис. 13. Общий коэффициент отношения к капитализму в 33 странах.
- Рис. 14. Вьетнам: какая экономическая система нравится вьетнамцам?
- Рис. 15. Польша: шесть утверждений о хорошей экономической системе.
- Рис. 16. Отношение к экономической свободе в 33 странах.
- Рис. 17. Польша: ассоциации со словом «капитализм».
- Рис. 18. Польша: утверждения о капитализме — 8 положительных утверждений.
- Рис. 19. Польша: утверждения о капитализме — 10 отрицательных утверждений.
- Рис. 20. Общий коэффициент отношения к капитализму в 33 странах.
- Рис. 21. 17 утверждений о богатых людях.
- Рис. 22. Самые большие различия между Польшей и Германией.

Список рисунков

- Рис. 23. Польша: какие черты личности вероятнее всего свойственны богатым людям.
- Рис. 24. Честны ли богатые люди?
- Рис. 25. Черты личности, которые поляки и немцы присваивают богатым людям.
- Рис. 26. Международное сравнение Коэффициента личностных черт (КЛЧ).
- Рис. 27. Международное сравнение Коэффициента социальной зависти.
- Рис. 28. Социальная зависть и электоральные предпочтения.
- Рис. 29. Международное сравнение Индекса отношения к богатым (ИОБ).

ОСЛЕПИТЕЛЬНАЯ ДЮЖИНА: ПРАВИЛА БОГАТСТВА И БЕДНОСТИ РАЙНЕРА

Райнер Цительманн — выдающийся историк-предприниматель и философ, гениальный составитель социологических опросов и практик, изучающий искусство и загадки богатства и бедности наций. Неумолимый искатель фактов, а не корыстных мифов, он скрупулезно документирует свои шокирующие откровения подробными и авторитетными данными.

Его иконоборческие взгляды можно свести к двенадцати ключевым откровениям.

1. Ключ к экономическому росту и предприимчивости — восхищение богатыми и подражание им. Ключ к бедности и лени — деморализация бедных, когда им говорят, что они — жертвы богатых.

2. Бедность проистекает из зависти и обиды на богатство как на игру с нулевой суммой. Богатство проистекает из желания и свободы стать богатым в постоянно расширяющихся кругах выгоды. Сегодня вьетнамцы и поляки относятся к богатым людям более благосклонно, чем американцы или немцы. Поэтому экономики Вьетнама и Польши растут гораздо быстрее, чем, казалось бы, привилегированные западные соперники. Объяснение: социологические опросы Цительманна показывают, что ярые марксистские взгляды гораздо шире распространены в так называемых «капиталистических» США или Европе, чем в так называемых «коммунистических» частях Азии, таких как Вьетнам или даже Китай.

3. Пятьдесят лет и триллионы долларов помощи на цели развития и сто лет социалистических раздач доказывают, что главной причиной бедности народов является перераспределение богатства государством. Главным источником нового богатства и роста является

предпринимательское расшатывание существующего богатства.

4. Во всем мире чем больше «помощь», тем медленнее экономический рост. Анализ сотен исследований показывает, что темпы экономического роста и выхода из бедности обратно пропорциональны объему получаемой помощи на цели социально-экономического развития. Иностранная помощь направляется правительствам и просачивается только к чиновникам и их партнерам по «кумовскому капитализму», а не к людям.

5. Когда люди прощаются с бедностью, неравенство всегда растет. Подавляйте неравенство, и экономический рост застопорится.

6. В отличие от социализма предпринимательство невозможно декретировать сверху вниз; оно должно быть освобождено снизу вверх.

7. У стран, проводящих быстрые реформы, рецессии короче, восстановление происходит быстрее, и они привлекают гораздо больше иностранных инвестиций, чем страны, проводящие постепенные реформы.

8. Поддержка капитализма в социологических опросах растет пропорционально отказу от использования этого термина. Обращаясь к жителям стран Запада, следует подчеркивать динамизм и свободу, а не «капиталистическое» богатство.

9. Роковой недостаток нынешних демократий — наделение действующих правительств и их центральных банков полномочиями печатать деньги для финансирования своих друзей и расточительных проектов, подкупать избирателей с помощью программ перераспределения и маскировать неудачи яркой демагогией и раздачей подарков. Предсказуемый урок для Запада: Аргентина и Венесуэла были одними из самых богатых стран в мире, но отказались от всего этого, преследуя демагогическую классовую войну и социализм при Хуане Пероне и Уго Чавесе.

10. Закон бикини Цительманна, в соответствии с которым прозрачность и правдивость бухгалтерского учета

затмевает сокрытие и сложность: *меньше означает больше*. Пример: Нгуен Тхи Фыонг-Тхао (единственная женщина среди семи вьетнамских миллиардеров) прошла путь от продажи факсимильных аппаратов, будучи студенткой в Москве в 1981 году, до запуска бюджетной авиакомпании VietJet Air. Экономя деньги на униформе и радуя клиентов, она поощряла своих стюардесс носить бикини, что, как она смело отмечает, «показывает красивые черты» и «делает людей счастливыми». То же самое относится и к бухгалтерии.

11. Закон коррупции Цительманна: *больше означает больше*. Чем больше влияние правительства на страну, тем сильнее распространена коррупция; чем больше вмешательство чиновников, тем больше шансов их подкупить.

12. Последняя польская шутка Цительманна: после освобождения польского предпринимательства в 1989 году Польша опередила остальные страны Европы и Америку по темпам экономического роста: за четыре года было открыто более миллиона новых частных компаний, а к 2017 году ВВП на душу населения вырос в 2,5 раза.

Теория информации, лежащая в основе гигантского роста глобальной информационной экономики (и моей книги «Жизнь после капитализма»), определяет богатство как знание, рост как обучение, деньги как токенизированное время, а новые знания как «сюрприз». В теории информации информация — это «неожиданные биты». Книга Цительманна, преподносящая сюрпризы на каждой странице даже искушенным теоретикам капитализма, является новым крупным вкладом в проблему богатства народов.

Джордж Гилдер,
автор книг «Богатство и бедность» (1980),
«Жизнь после капитализма» (США 2023, Китай 2024)
и 19 других книг

1. АДАМ СМИТ БЫЛ ПРАВ: ТОЛЬКО ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СВОБОДА МОЖЕТ ПОБЕДИТЬ БЕДНОСТЬ

Мы очень мало знаем об Адаме Смите как о человеке. Мы даже не знаем дату рождения знаменитого шотландца. Нам известна только дата его крещения — 5 июня 1723 года (по юлианскому календарю), что означает, что по нашему григорианскому календарю он был крещен 16 июня. Он не знал своего отца, таможенного чиновника, умершего в возрасте 44 лет, всего за несколько месяцев до рождения Адама.

Самым важным человеком в его жизни была мать, которая не только вырастила его, но и с которой он жил до самой ее смерти в 1784 году. Смит не был женат. Известно лишь, что он дважды влюблялся, но его чувства не встретили взаимности, что, возможно, было связано с тем, что его считали довольно непривлекательным.

В 17 лет он начал шестилетнее обучение в Оксфорде, но университет его не впечатлил. Позже он пренебрежительно отзывался о своих профессорах, которых считал ленивыми. Он стал профессором моральной философии в Университете Глазго, когда ему еще не исполнилось 30 лет, и несколько лет спустя опубликовал свое первое крупное произведение — «Теорию нравственных чувств». За всю жизнь он опубликовал только две крупные работы, причем вторая — «Богатство народов», вышедшая в 1776 году, безусловно, известна гораздо шире. Он написал еще несколько книг, но перед смертью сжег их рукописи, поэтому до нас дошли только эти две книги, а также ряд его эссе и стенограммы лекций.

Те, кто никогда не читал книг Смита, иногда считают его сторонником крайнего эгоизма, даже, возможно, духовным отцом фигуры экстремального капиталиста в стиле Гордона Гекко, который в фильме «Уолл-стрит»

воскликает: «Алчность — это хорошо!» Однако это искаженное представление, обусловленное тем, что Смит в своей книге «Богатство народов» сильно подчеркивал эгоистичность экономических субъектов. Но эта картина определенно является искажением.

Первая глава его книги «Теория нравственных чувств» начинается с раздела «О симпатии», в котором он определяет симпатию как «разделение каких бы то ни было чувствований других людей»¹. Сегодня мы, вероятно, использовали бы слово «эмпатия»: «Какую бы степень эгоизма мы ни предположили в человеке, природе его очевидно свойственно участие к тому, что случается с другими, участие, вследствие которого счастье их необходимо для него, даже если бы оно состояло только в удовольствии быть его свидетелем. Оно-то и служит источником жалости или сострадания и различных ощущений, возбуждаемых в нас несчастьем посторонних, увидим ли мы их собственными глазами или представим его себе»².

Смит особенно сочувствовал бедным. Смит получал доход из различных источников, который в сумме составлял 900 фунтов в год, что в три-четыре раза превышало зарплату университетского профессора³. Но когда была зачитана последняя воля и завещание Адама Смита, его племянник Дэвид Дуглас испытал явное разочарование, получив гораздо меньше, чем он надеялся. Завещание подтвердило то, о чем давно догадывались друзья Смита: почти все свое состояние Смит пожертвовал бедным, в основном тайно. Более того, был момент, когда из-за своей щедрости Смит сам попал в затруднительное положение⁴.

Если вы прочтете две его главные работы, «Богатство народов» и «Теорию нравственных чувств», вам будет трудно найти хоть один отрывок, где он положительно отзывался о богатых и влиятельных людях. Купцы и помещики представлены почти исключительно в негативном свете, в первую очередь как люди, стремящиеся отстаивать свои эгоистические интересы и создавать монополии.

«Наши купцы и владельцы мануфактур сильно жалуются на вредные результаты высокой заработной платы, повышающей цены и потому уменьшающей сбыт их товаров внутри страны и за границей. Но они ничего не говорят о вредных последствиях высоких прибылей. Они хранят молчание относительно губительных результатов своих собственных барышей, жалуясь лишь на то, то выгодно для других людей»⁵. Или: «Представители одного и того же вида торговли или ремесла редко собираются вместе даже для развлечений и веселья без того, чтобы их разговор не кончился заговором против публики или каким-либо соглашением о повышении цен»⁶.

В «Манифесте Коммунистической партии» Маркса и Энгельса больше положительных высказываний о капиталистах, чем в сочинениях Адама Смита. Буржуазия постоянно создает более мощные силы производства, чем все предыдущие поколения вместе взятые, с восхищением пишут Маркс и Энгельс.

В произведениях Смита нет и следа такого восхищения; напротив, богатые становятся объектом язвительной критики. Защитники Смита утверждают, что это не отражает какую-то общую неприязнь к предпринимателям или богатым, а скорее говорит о том, что Смит выступал за свободную конкуренцию и против монополий. Это, конечно, один из аспектов, но все же при чтении двух его главных трактатов создается впечатление, что в конечном итоге богатые люди не нравятся Смицу так же сильно, как и политики. Даже Адам Смит не был свободен от неприязни, которую интеллектуалы традиционно питают к богатым⁷.

Однако, напротив, есть много отрывков, демонстрирующих сочувствие к положению «бедных», причем он не ограничивался бедными в строгом смысле этого слова, а выражал сочувствие также к «небогатым», «то есть к положению подавляющего большинства населения, которое вынуждено обменивать труд на зарплату, чтобы заработать на жизнь»⁸. В книге «Америка Адама Смита»

Глория М. Лю анализирует восприятие Адама Смита и состояние исследований: «Существует почти единодушное мнение, что для Смита наиболее важной чертой коммерческого общества было то, что оно улучшало положение бедных»⁹.

Есть знаменитый отрывок из книги «Богатство народов»: «Ни одно общество, без сомнения, не может процветать и быть счастливым, если значительнейшая часть его членов бедна и несчастна. Да, кроме того, простая справедливость требует, чтобы люди, которые кормят, одевают и строят жилища для всего народа, получали такую долю продуктов своего собственного труда, чтобы сами могли иметь сносную пищу, одежду и жилище»¹⁰.

Сегодня эти слова иногда неверно истолковывают, утверждая, что Смит выступал за перераспределение богатства под руководством правительства. Это не входило в его намерения, и он, конечно, не призывал к социальной революции. Но бедность, по мнению Смита, не была predetermined. Кроме того, он не доверял правительствам. В главе 8 «Богатства народов», наряду с процитированными выше предложениями, он указывает, что единственный способ повысить уровень жизни — это экономический рост.

Постоянный экономический рост — единственный способ повысить заработную плату; стагнация экономики ведет к ее падению. В другом месте он пишет: «Голод никогда не возникал по какой-либо иной причине, кроме как в результате насильственных мероприятий правительства, пытавшегося негодными средствами устранить неудобства дороговизны»¹¹. Насколько он был прав, мы прекрасно знаем 250 лет спустя, после сотен, если не тысяч, неудачных попыток справиться с инфляцией с помощью регулирования цен.

«Щедрое вознаграждение за труд, — писал Смит, — является следствием возрастания богатства» и неоднократно подчеркивал, что «пока общество идет вперед, в направлении дальнейшего обогащения... положение

трудящихся бедняков, этой главной массы народа, становится, по-видимому, наиболее счастливым и благоприятным... Положение рабочих тяжело при стационарном состоянии общества и плачевно при упадке его»¹².

Карл Маркс, напротив, считал, что открыл экономические «законы», которые необходимо ведут к краху капитализма, такие как «тенденция нормы прибыли к понижению» или обнищание пролетариата. В своем главном труде «Капитал» Маркс сформулировал это следующим образом: «Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, который постоянно увеличивается по своей численности, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности... Но капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание»¹³.

Когда в 1776 году вышла книга «Богатство народов», капитализм еще только зарождался, а подавляющее большинство людей жило в крайней нищете. Причем бедность тогда означала совсем другое, нежели сегодня. Люди были худыми и тонкокостными — на протяжении всей истории человеческое тело приспособлялось к недостаточному потреблению калорий. «Невысокие и легкие рабочие XVIII века, — пишет Ангус Дитон в своей книге «Великий побег», — были надежно заперты в ловушке рациона питания: они не могли много зарабатывать, потому что были слабы физически, и не могли есть вдоволь,

потому что без работы у них просто не было денег на покупку еды»¹⁴.

Некоторые люди восторгаются гармоничными докапиталистическими условиями, когда жизнь была намного медленнее, но эта медлительность была в основном результатом физической слабости из-за постоянного недоедания¹⁵. По оценкам, 200 лет назад около 20% жителей Англии и Франции вообще не могли работать. «В лучшем случае им хватало энергии на несколько часов медленной ходьбы в день, что обрекало большинство из них на жизнь в попрошайничестве»¹⁶.

Смит предсказывал, что только расширение рынков может привести к росту благосостояния — и именно это произошло после окончания социалистической плановой экономики. Только в Китае введение частной собственности и рыночные реформы сократили число людей, живущих в крайней нищете, с 88% в 1981 году до менее чем 1% сегодня. Когда я спросил экономиста Вейинга Чжана из Пекинского университета, насколько Смит актуален для Китая, он ответил так: «Быстрое экономическое развитие Китая за последние четыре десятилетия — это победа концепции рынка Адама Смита». Вопреки преобладающим на Западе интерпретациям, экономический рост и снижение уровня бедности в Китае произошли не «благодаря государству, а вопреки ему», объяснил Вейинг Чжан, и были вызваны введением частной собственности.

В то время как Карл Маркс считал, что улучшить положение бедных можно только отменив частную собственность, Смит верил в силу рынка. Он не был сторонником либертарианской утопии без государства и считал, что у правительств есть важные функции. Тем не менее в 1755 году, за два десятилетия до появления «Богатства народов», в одной из лекций он предупреждал:

«Государственные деятели и прожекторы обычно рассматривают человека как материал в рамках своего рода политической механики. Прожекторы расстраивают

функционирование природы в человеческих делах, а требуется всего лишь оставить ее в покое, позволив ей действовать по правилам в преследовании ее целей, чтобы она могла реализовать свои замыслы... Все правительства, нарушающие этот естественный ход, заставляющие события разворачиваться по другому руслу или пытающиеся остановить прогресс общества в определенном пункте, идут против природы и, чтобы удержаться у власти, вынуждены быть деспотичными и тираническими»¹⁷.

Это были поистине пророческие слова. Самая большая ошибка сторонников планирования — это иллюзия, что экономический порядок можно спланировать на бумаге. Они считают, что автор, сидя за столом, может создать идеальный экономический порядок и что все, что остается, — это убедить достаточное количество политиков внедрить этот новый экономический порядок на практике.

Позже Хайек назовет этот подход «конструктивизмом», сказав: «Идея о разумных людях, сошедшихся для обсуждения того, как пересоздать мир заново, пожалуй, самый характерный продукт этих теорий замысла»¹⁸. По словам Хайека, антирационалистический взгляд на исторические события, который Смит разделял с другими шотландскими мыслителями эпохи Просвещения, такими как Давид Юм и Адам Фергюсон, «позволил им впервые постичь, каким образом институты и нравы, язык и право формировались в процессе кумулятивного роста и что только таким образом развился и смог успешно действовать человеческий разум»¹⁹.

В манере историка экономики Смит описывал экономическое развитие, а не проектировал идеальную систему.

Сегодня Смита часто критикуют за то, что он акцентировал важность личного интереса. Он подчеркивал важность эгоизма именно потому, что люди постоянно нуждаются в помощи других людей. Однако он считал, что при этом люди не могут полагаться исключительно на добрую волю окружающих. Именно в этом контексте,

кстати, он и использовал термин «невидимая рука», которым так прославился, хотя эта фраза встречается всего три раза во всем труде Смита (что, кстати, похоже на Шумпетера и его «созидательное разрушение», которое он использовал только дважды):

«И поскольку каждый отдельный человек старается по возможности употреблять свой капитал на поддержку отечественной промышленности и так направлять эту промышленность, чтобы продукт ее обладал наибольшей стоимостью, постольку он обязательно содействует тому, чтобы годовой доход общества был максимально велик. Разумеется, он не имеет в виду содействовать общественной пользе и не сознает, насколько он содействует ей. <...> ...и в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения»²⁰.

Экономист Людвиг фон Мизес подчеркивал, что противопоставлять эгоистические и альтруистические действия — ошибка. К счастью, объясняет он, «мне не дано выбирать, служить ли своими действиями только себе или только другим. В противном случае человеческое общество оказалось бы невозможным»²¹. А Фридрих Хайек назвал величайшим вкладом Адамса Смита в научную мысль — выходящим далеко за рамки экономической теории — «его представление о стихийном порядке, который создает сложные структуры, подобно невидимой руке»²².

Однако сочинение Смита также подвергается резкой критике и со стороны экономистов, выступающих за свободный рынок. Американский экономист-либертарианец Мюррей Ротбард в своем монументальном труде «Экономическая мысль», не жалеет слов для очернения Смита, утверждая, что Смит ни в каком смысле не был сторонником экономической теории свободного рынка, каким его обычно изображают. На самом деле Ротбард утверждает, что ошибочная трудовая теория ценности

Смита делает его предшественником Карла Маркса, и заявляет, что марксисты вполне обоснованно могли бы цитировать шотландского философа и превозносить его как главного вдохновителя их отца-основателя²³. По мнению Ротбарда, Смит не смог понять экономическую функцию предпринимателя и даже не осилил идеи таких экономистов, как Ричард Кантильон²⁴, поддерживал навязанные государством ограничения на ставку процента, высокие налоги на роскошь и широкое вмешательство государства в экономику²⁵. На личном уровне, по мнению Ротбарда, Смит также не заслуживает доверия, поскольку ранее он выступал за свободную торговлю, но последние двенадцать лет своей жизни провел в качестве комиссара шотландской таможни²⁶.

Большая часть этой критики, безусловно, оправданна, но все же было бы неправильно называть Адама Смита левым. Даже американский философ Сэмюэл Флейшaker, который подчеркивает левые тенденции Смита, признает, что Смит не обязательно отождествлял бы себя с современными социал-демократами или защищал бы современное государство всеобщего благосостояния²⁷.

Против этой критики выступают глубокое недоверие Смита к вмешательству государства в экономику и его почти безграничная вера в «невидимую руку», которая направляет рынки в нужное русло. Когда экономика оказывается в руинах, это, по мнению Смита, происходит не по вине предпринимателей и купцов, а всегда по вине государства: «Великие нации никогда не беднеют в результате расточительности и неблагоразумия частных лиц, но они нередко беднеют в результате расточительности и неблагоразумия государственной власти», — писал он в своей главной работе «Богатство народов»²⁸. И оптимистично добавил: «Одинаковое у всех людей, постоянное и неисчезающее стремление улучшить свое положение — это начало, это начало, откуда вытекает как общественное и национальное, так и частное богатство, — часто оказывается достаточно могущественным для того, чтобы

обеспечить естественное развитие в сторону улучшения общего положения вопреки чрезмерным расходам правительства и величайшим ошибкам администрации. Как и неизвестная нам жизненная сила организма, оно часто восстанавливает здоровье и силу вопреки не только болезни, но и нелепым предписаниям врача»²⁹.

Метафора говорит о многом: частные экономические агенты представляют собой здоровое, позитивное развитие, в то время как политики вставляют палки в колеса экономики своим абсурдным регулированием. Сегодня Адам Смит был бы настроен весьма скептически, если бы видел, как правительства Европы и США все активнее вмешиваются в экономику, а политики считают себя умнее рынка.

Одним из недостатков Смита было то, что он не понимал экономической функции предпринимателя, которая впоследствии была так блестяще разработана такими мыслителями, как Йозеф Шумпетер. Он ошибочно считал предпринимателя в первую очередь менеджером и руководителем предприятия, а не новатором. Смит признавал важность «эмпатии», но ни в одной из своих работ он не отождествлял ее с предпринимательством. Сегодня на примере Стива Джобса и других предпринимателей, которые понимают потребности и чувства своих клиентов лучше и раньше, чем сами клиенты, мы видим, что в действительности основой предпринимательского успеха и фундаментом капитализма служит не «алчность», а эмпатия.

Непонимание Смитом роли предпринимателя и его явное недовольство богатыми действительно роднит Смита с представителями левой части политического спектра. Однако это совершенно не относится к его выступлениям за улучшение условий труда для рабочих. Ведь, по мнению Смита, улучшение положения простых людей произойдет не за счет перераспределения и чрезмерного вмешательства государства, а станет естественным результатом экономического роста, который, в свою очередь,

требует прежде всего одного: экономической свободы. Если экономическая свобода торжествует и рынки расширяются, то и уровень жизни людей будет расти. Спустя 300 лет после рождения Смита и около 250 лет после публикации его великого труда мы знаем, что философ-моралист и экономист был прав: фундаментом экономического роста служат частная собственность и рыночная экономика, и если государство не будет слишком сильно вмешиваться в экономику, жизнь всех людей, и прежде всего бедных, улучшится.

Сторонники капитализма не смогли положить именно эти взаимосвязи в основу своей защиты рыночной экономики: рыночная экономика нужна не сильным, которые так или иначе устроятся в любой системе, а слабым и бедным, для которых свободная рыночная экономика — единственный шанс улучшить свои условия жизни.

2. ЧТО ПОМОГАЕТ БОРОТЬСЯ С БЕДНОСТЬЮ, А ЧТО НЕ ПОМОГАЕТ

Франк Бремер посвятил свою жизнь борьбе с бедностью и принимал участие в оказании помощи в целях развития в 30 странах Африки, Центральной Азии, Карибского бассейна и Индийского океана, готовя проекты в области развития сельских районов и охраны окружающей среды. После более чем 50 лет работы в программах помощи развитию он дает язвительную оценку: «Помощь в целях развития — это проект, который осуществляет неэффективную деятельность для недостижимой цели (сокращения бедности) для неправильно выбранной целевой группы (африканских мелких фермеров) с помощью метода, который не работает (помощь в опоре на собственные силы [self-help]) в неэффективном формате (проект), который, как вспышка на сковороде, кроме приятных воспоминаний, не оставляет никаких следов ни для кого из его участников, использует большую часть средств на организацию проекта и, таким образом, берет в принципе хорошую идею и тратит много денег впустую»³⁰.

Его суждения кажутся очень резкими — и ниже я на основе объективных исследований покажу, где Бремер прав, а где преувеличивает. Заранее скажу: борьба с бедностью остается одной из важнейших задач, стоящих перед человечеством, но помощь в целях развития (политкорректное слово для этого сейчас — «сотрудничество в целях развития») — неподходящее средство для достижения этой благородной цели. Во многих случаях она ничего не дала. В других случаях она достигла прямо противоположного тому, что было задумано.

В своей книге «50 Jahre Entwicklungshilfe — 50 Jahre Strohfeuer» («50 лет помощи развитию — 50 лет вспышек на сковороде») Бремер воспроизводит диалог между главой деревенской общины и немецким работником по развитию («экспертом по опоре на собственные

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru